

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА

1. История организации ВНС

Всероссийский национальный союз как всероссийская партия русских националистов возник в результате организационно-идейного сближения и слияния нескольких политически родственных групп, окончательно завершившегося образованием в начале 1910 г. объединенного ВНС. В то же время деятельность данных групп на протяжении второй половины 1907 — начала 1910 гг. также представляется возможным рассматривать в рамках организационной истории партии русских националистов — Всероссийского национального союза.

Организационно-идейными предшественниками ВНС явились праволиберальные образования, возникшие на протяжении 1905—1907 гг. в столице Российской империи, а также в некоторых региональных центрах: Тульский союз «За Царя и Порядок» (лидер — гр. В.А.Бобринский), Партия правового порядка (среды лидеров — Л.В.Половцов, В.П. фон Эгерт) с отделами в Киеве (лидер — А.И.Савенко) и Минске (лидер — В.А.Бернов), Бессарабская партия центра (лидер — П.Н.Крупенский) и ряд других [78; 311; 328; 488, л. 12—12 об., 16—19 об., 26, 28, 31]. Все эти партии выступали против революции и за сохранение самодержавия в его «конституционном» (то есть провозглашенном Манифестом 17 октября 1905 г. и утвержденном Основными государственными законами) модуле.

На выборах в III Государственную думу будущие лидеры ВНС, как правило, шли в едином «правом» (антиреволюционном) блоке. Однако уже через несколько дней после начала думских заседаний (в связи с обсуждением Адреса на имя Николая II) между уме-

ренными и крайними членами единой фракции «правых» произошел раскол, в результате которого около 70 депутатов во главе с П.Н.Балашевым образовали самостоятельную фракцию «умеренно-правых» (ФУП) (лидеры — В.А.Бобринский, П.Н.Крупенский, Д.Н.Чихачев, А.А.Потоцкий, А.С.Гижицкий, еп. Евлогий) [329 — 1907, 2—31 окт.; 329 — 1907, 1—16 нояб.; 325 — 1907, 11—14 нояб.; 333 — 1907, 4—6 нояб.; 337 — 1907, 29—30 окт.; 337 — 1907, 13—15 нояб.; 318 — 1907, 1—14 нояб.]. По основным вопросам ФУП поддерживала правительство П.А.Столыпина и блокировалась с фракцией октябристов. Ядро ФУП составили представители малороссийских губерний [63—65; 67; 69; 71; 73; 74; 78; 82; 86]. В течение января 1908 г. от фракции «правых» организационно обособилась «национальная группа» (НГ) в составе двух десятков депутатов, возглавляемых кн. А.П.Урусовым (лидеры — А.А.Мотовилов, В.Г.Ветчинин, Н.К. фон Гюббенет, Н.Н.Ладомирский). Костяк НГ составили представители белорусских губерний [72; 73; 75; 81; 85; 313, с. 1—4]. Будучи по взглядам чуть более консервативными, нежели представители ФУП (что, в частности, проявилось в ходе обсуждения думского Адреса), члены НГ, наряду с октябристами и умеренно-правыми, фактически вошли в состав единого правоцентристского большинства, являвшего собой законодательную основу столыпинского курса. Тем не менее по ряду причин, среди которых не последнюю роль играло личное соперничество между А.П.Урусовым и П.Н.Балашевым, организационное слияние ФУП и НГ, о необходимости которого речь пошла практически сразу, длительное время было затруднено [329 — 1908, 4 мая].

Весной—летом 1908 г. в Санкт-Петербурге был образован Всероссийский национальный союз. Устав ВНС зарегистрирован 3 июня 1908 г. Учредительный съезд, на котором избран Совет ВНС (18 чел.), состоялся 18 июня 1908 г. 21 июня 1908 г. на первом заседании Совета ВНС избраны: председатель — тайный советник С.В.Рухлов, товарищ председателя — кн.

А.П.Урусов, секретарь — проф. Н.О.Куплеваский, казначей — служащий Городского кредитного общества Н.А.Тарасов. Среди членов Совета — 7 членов Государственной думы (все — члены НГ), 2 члена Государственного совета (С.В.Рухлов, А.П.Никольский), председатель Санкт-Петербургской городской думы С.В.Унковский, товарищ городского головы Д.И.Демкин, публицист М.О.Меньшиков, присяжный поверенный И.С.Дурново и др. После назначения С.В.Рухлова министром путей сообщения (1909 г.), и.о. председателя — А.П.Урусов [191; 325 — 1908, 19 июня; 325—1909, 4 февр.; 85].

Целью союза объявлялось содействие: господству русской народности в пределах Российской империи, укреплению сознания русского народного единства, устройству русской бытовой самопомощи и развитию русской культуры, а также упрочению русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным представительством. Членами ВНС, согласно Уставу, могли быть «лица обоего пола, принадлежащие к коренному русскому населению или органически слившиеся с русским народом» [191].

Высшим органом ВНС являлось общее собрание его членов, и, по мысли его идейного вдохновителя М.О.Меньшикова, к которой присоединился глава НГ А.П.Урусов, призвано было обеспечить контроль за деятельностью Союза со стороны его петербургских членов (около 800 чел. к началу 1911 г., общая численность ВНС в этот период — 2, 5 тыс. чел.), к числу которых принадлежали сливки интеллектуальной, политической и бюрократической элиты российской столицы. Хотя Устав допускал создание провинциальных отделов ВНС, им отводилась сугубо второстепенная роль, чем объяснялось незначительное их число (8 — к началу 1910 г.) [489].

С точки зрения М.О.Меньшикова, ВНС должен был стать широкой лигой нескольких партий, включающей представителей либеральных течений всех оттенков — от консервативного до радикального, объе-

диненных русской национальной идеей. Последняя мысль М.О.Меньшикова не нашла поддержки со стороны А.П.Урусова и других лидеров Союза, в результате чего ВНС конституировался как консервативно-либеральная политическая партия, находящаяся на правом фланге правополитического партийно-политического сектора.

В социальном отношении в начальный период существования ВНС (1908—1910 гг.) в нем доминировала умеренно-консервативная петербургская элита. Ведущим партийным публицистом являлся обозреватель газеты «Новое Время» М.О.Меньшиков.

В течение декабря 1908 — марта 1909 г. в Санкт-Петербурге произошло образование Партии умеренно-правых (ПУП), организаторами которой явились лидеры ФУП (включая Л.В.Половцова, перешедшего в ФУП из фракции Союза 17 октября). Председателем ПУП (численность — около 70 чел.) был избран П.Н.Балашев. С самого начала П.Н.Балашев стремился создать сделать упор на создание широкой сети местных организаций, однако реализовать этот замысел удалось лишь после организационного слияния ПУП с ВНС [330 — 1909, 10—25 марта; 361, л. 1—1 об.; 83].

Организационному объединению партий предшествовало слияние ФУП и НГ (25 октября 1909 г.). 31 января 1910 г. на учредительном собрании было провозглашено создание единого ВНС, председателем которого был избран П.Н.Балашев, его товарищем — А.П.Урусов [73]. Объединение русских националистов было ускорено П.А.Столыпиным [339—341], стремившимся к упрочению законодательного большинства и одновременно к созданию в его рамках центра политического тяготения, альтернативного октябристскому и не идущего «на поводу» у оппозиции по национально-религиозным вопросам.

Несмотря на сохранение прежнего названия, руководящую роль в обновленном ВНС стали играть бывшие лидеры ПУП. В основу разработанной по поручению учредительного собрания программы были положены программные документы обеих фракций

(близкие по содержанию), однако и текстологически и структурно программа ВНС в гораздо большей степени восходила к программе ФУП, нежели НГ. В частности, был опущен ряд консервативных положений НГ (об усиленном контроле администрации за органами местного самоуправления и др.). Программой ВНС была сохранена внутренняя противоречивость между либеральной и традиционалистской составляющими исходных документов: с одной стороны, признание законодательной Государственной думы, правового равноправия граждан, неприкосновенности частной собственности, развития общественной хозяйственной инициативы, с другой стороны, провозглашение государственного приоритета русской национальности и Русской православной церкви, ярко выраженный антисемитизм. В структурном отношении Программа ВНС делилась на неизменную (стратегическую) и менявшуюся со временем (тактическую) части. К первой относились положения о единстве и неделимости империи и господстве русской народности; о незыблемости прав законодательных Государственной думы и Государственного совета, «в единении» с которыми действует «Самодержавный Царь»; о свободе веры «с сохранением установленных преимуществ первенствующей православной Церкви»; о восстановлении военного могущества России; о равном для всех судопроизводстве; о неприкосновенности частной собственности. «Ближайшими задачами» ВНС объявлялись: «развитие русского национального самосознания путем всеобщего образования»; «предоставление инородческим окраинам хозяйственного самоуправления», улучшение материального положения сельского духовенства и развитие церковной жизни «согласно канонам церкви»; подъем сельскохозяйственной промышленности; правовая и экономическая эмансипация крестьян, переход к хуторам и отрубам, уничтожение чересполосицы, удешевление мелкого кредита и развитие переселенческого дела; борьба с пьянством; социальное страхование, «ограждение свободы труда»; развитие местного самоуправления «без

излишней правительственной опеки, но с ограждением интересов меньшинства» (под которым в первую очередь подразумевалась русская социальная элита окраин) и др. [68; 182; 186; 187; 188].

Покинувший объединенную «Русскую национальную фракцию» (РНФ) А.П.Урусов через некоторое время примкнул к крайне правым. В свою очередь, из фракции «правых» к националистам перешел В.В.Шульгин. В течение 1910 г. П.Н.Балашев (депутат от Подольской губернии, опиравшийся на лично близкие ему организованные силы русских националистов Юго-Запада) вел борьбу с А.П.Урусовым, представителем Тульской губернии, на стороне которого выступали менее сплоченные на местах русские националисты Центрального Запада и Северо-Запада, И.С.Дурново и М.О.Меньшиковым за изменение Устава ВНС с целью его некоторой демократизации и «провинциализации». С точки зрения сторонников П.Н.Балашева, ВНС следовало превратить в относительно современную партию с широкой сетью местных организаций, призванных прежде всего обеспечивать победу ВНС на выборах в Государственную думу и органы МСУ, и способную стать постоянным лидером правительственного большинства в Государственной думе. 3 мая 1911 г. был утвержден новый Устав, допускавший понижение членских взносов для провинциальных членов партии с 3 руб. до 50 коп. в год, а также объявлявший высшим органом ВНС Собрание представителей местных отделов. Собрание представителей избирало 2/3 состава Главного совета (ГС ВНС), 1/3 которого должны были составлять члены Государственной думы и Государственного совета по избранию. Принятие нового Устава способствовало бурному росту ВНС, который к 1912 г. уже насчитывал свыше 70 отделов в 30 губерниях и областях России. Спецификой организационного строительства ВНС явилось преимущественное «насаждение» местных отделов сверху, усилиями выезжающих в провинцию депутатов Государственной думы, либо тесно связанных с ними местных активистов, что неизбежно привно-

сило в данный процесс значительный элемент искусственности, еще более усиливавшийся благодаря тому, что пик организационной активности пришелся на избирательную кампанию 1912 г., когда отчетливо проявились симпатии к ВНС со стороны МВД и лично Николая II. Так, недавний черносотенец В.А.Бернов (в годы революции — один из организаторов Партии правового порядка в Минске) основал в Воронеже «Национальный клуб», в котором числилось 500 чел., а в одной только Воронежской губернии организовал не менее 15 отделов ВНС. В то же время в смежных губерниях числилось: в Орловской — 3, Тамбовской — 2, Курской и Черниговской — по 1 отделу ВНС [489; 351].

Истинной цитаделью русского национализма являлись губернии со смешанным русско-инородческим населением, прежде всего входящие в состав Западного края (Подольская, Киевская, Волынская, Минская, Могилевская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Виленская), где русские землевладельцы, купцы и чиновники испытывали экономическое, культурное и политическое давление со стороны польских помещиков, еврейских купцов, а на Юго-Западе и украинской интеллигенции. Идеиным и организационным центром русского национализма стал Киев, где еще в 1908 г. был создан Киевский клуб русских националистов — крупнейшая из местных русских националистических организаций (свыше 700 членов), значительную часть которой составляли представители средних городских слоев [292—294].

Помимо выходцев из Западного края (37% РНФ в III Государственной думе и 57% Фракции националистов и умеренно-правых (ФНУП) в IV Государственной думе) в состав ВНС входили и голосовали за него те помещики, священники и горожане центральных губерний — Владимирской, Тульской, Новгородской, Орловской, Псковской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Юга — Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Поволжья — Казанской, Нижегородской, Самарской, Симбирской, для которых оставались неприемлемыми ни черносотенство, ни «излишне конституционный» октябризм [204—206; 212—216].

Важную роль в укреплении ВНС за пределами Западного края и относительного успеха русских националистов на выборах в IV Государственную думу сыграла поддержка со стороны администрации, в частности, в тех губерниях (Пермская, Вологодская), где помещичье землевладение не получило широкого развития. 19—21 февраля 1912 г. состоялся 1-й съезд ВНС (2-й и последний прошел в феврале 1914 г. [320 — 1914, 3—6 фев.; 322 — 1914, 9 фев.; 327 — 1914, 5—12 фев.]), на котором присутствовали делегаты от 36 местных отделов, члены Государственной думы и Государственного совета, а также ГС ВНС (всего — 135 чел.). Председателем ВНС вновь стал П.Н.Балашев, старшим товарищем председателя — А.А.Мотовилов, товарищем председателя — А.А.Потоцкий, секретарем — Н.К. фон Гюббенет, заместителем секретаря — Н.Н.Ладомирский, казначеем — Д.А.Топорнин, заместителем казначея — А.С.Гижицкий (все, кроме казначея — члены Государственной думы). Среди членов ГС ВНС (31 чел.) — архиепископ Холмский Евлогий (Георгиевский), проф. П.А.Кулаковский, проф. Н.О.Куплеваский, М.О.Меньшиков, Л.В.Половцов, А.И.Савенко, М.А.Суворин, С.Н.Алексеев, Ф.Н.Безак, гр. В.А.Бобринский, В.Г.Ветчинин, В.В.Шульгин. На съезде с ВНС фактически слились, хотя и сохранили при этом организационную автономию: «Варшавское русское общество, основанное на началах Манифеста 17 октября»; «Витебский предвыборный комитет»; «Воронежский национальный клуб»; «Киевский клуб русских националистов»; «Карельское православное братство»; «Подольский союз русских националистов» (около 250 чел.); «Рижский русский клуб»; «Русское патриотическое общество Холмщины и Подляшья». Позднее к ВНС примкнули «Владивостокский национальный союз» и «Пермское национальное общество». Точную численность партийных националистов в этот период установить крайне трудно: опубликованный официальный отчет называет цифру 15 тыс., однако в реальности количество членов ВНС, думается, приближалось к 5 тыс. членов [226; 269—271; 329—1912, 20 фев.].

На I-м съезде была обновлена тактическая часть партийной программы, на основании которой затем была выработана предвыборная платформа: укрепление позиций РПЦ и материального положения православного духовенства; рост боевой мощи России; национально-религиозное и ремесленно-практическое направление в развитии народного образования; развитие мелкого кредита; «национализация» кредита и его удешевление; «пересмотр законов в целях более действенной борьбы с еврейством». Съезд признал возможность предвыборных блоков «со всеми политическими партиями не левее октябристов», исключались соглашения с поляками — до тех пор, пока поляки «повинутся лозунгам», «проповедующим вражду к России». Блокирование с «инородцами, не проявляющими враждебности к России и русским», признавалось желательным. Особо подчеркивалось стремление русских националистов к «бережению Государственной думы» [226; 185; 68].

Несмотря на то, что социальный состав местных отделов ВНС, особенно за пределами Западного края, был довольно пестрым (помещики, чиновники, оставшие офицеры, купцы, мещане, крестьяне и др.), доминирующую роль в партийной жизни играло крупное поместное дворянство, перешедшее к интенсивным формам ведения хозяйства. Среди лидеров ВНС было много крупнейших сельскохозяйственных предпринимателей: А.П.Урусов, П.Н.Балашев, В.А.Бобринский, А.А.Потоцкий и др. Более половины РНФ и ФНУП составляли дворяне (52% и 54% соответственно). Священники (14% и 20%) и крестьяне (16% и 17%) самостоятельной роли не играли. В IV Государственной думе о себе заявили немногочисленные, но влиятельные в ФНУП «горожане» во главе с киевскими депутатами: публицистом А.И.Савенко и миллионером В.Я.Демченко [76; 84; 204—206; 212—216].

Думская фракция являлась центром партийной жизни ВНС. Официального периодического издания Союз не имел, распространяя свои идеи и текущую информацию через различные консервативные масс-медиа, сотрудниками и издателями которых являлись

члены ВНС: «Новое Время» (М.О.Меньшиков), «Киевлянин» (В.В.Шульгин, А.И.Савенко и др.), «Голос Руси» (С.Н.Алексеев, М.Н.Дмитриев), «Россия» (С.М.Богданов), «Московские Ведомости» (А.И.Савенко). Русским националистам сочувствовали газеты: «Свет», «Колокол». В местных отделах Каменец-Подольском, Пскове, Вятке и др. издавались собственные газеты. Единственная попытка наладить издание общепартийного печатного органа была предпринята в период избирательной кампании 1912 г., когда с апреля по сентябрь выходил задуманный как еженедельник «Вестник ВНС» (вышло 10 номеров, редактор — тов. пред. Совета Санкт-Петербургского отдела ВНС А.Л.Гарязин) [66; 77; 315]. В этот же период Главный совет и местные отделы ВНС выпустили значительное количество брошюр, популяризирующих идеи Союза [217; 218; 226; 227; 228; 261; 262; 263; 264; 265; 266; 295; 296; 297; 302].

Финансовое благополучие ВНС складывалось в основном из частных пожертвований: 56% всех поступлений в кассу ГС ВНС (1910 г.), 36% (1911 г.), 74% (1912 г.), 76% (1913 г.). Доля членских взносов неуклонно снижалась: 33% (1910 г.), 28% (1911 г.), 11% (1912 г.), 5% (1913 г.). Падала и абсолютная сумма доходов ГС ВНС: 4734 руб. (1910 г.), 4169 руб. (1911 г.), 4070 руб. (1912 г.), 3807 руб. (1913 г.), что, очевидно, было связано как с усилением самостоятельной активности местных отделов, так и с прекращением осуществлявшегося при П.А.Столыпине субсидирования ВНС из секретных фондов МВД [269—272].

Полностью поддержав третьеиюньский «государственный переворот» и создание «русской по духу» III Государственной думы, будущие лидеры ВНС с самого начала ее работ выступили совместно с октябристами в поддержку как репрессивной, так и реформаторской частей столыпинского курса. Особое внимание русские националисты уделяли проблеме отстаивания бюджетных прав Государственной думы. Националисты рассматривали законодательную Думу как залог предотвращения новой революции, а также,

что было особенно существенно для русской социальной элиты окраин, — как инструмент эффективной борьбы с «космополитическими» устремлениями местной и центральной бюрократии, заключавшимися в недостаточно энергичной борьбе с инородцами.

Сходясь с Союзом 17 октября по большинству внутривластных и практически всем внешнеполитическим вопросам, ВНС оказывался на крайне правых позициях по национальному и религиозному вопросам, выступив против октябристско-кадетских законопроектов, отменявших некоторые религиозные ограничения — 1909 г., а также допускавших относительную свободу в преподавании на родном языке в начальной школе для инородцев — 1910 г. Кроме того, русские националисты в 1911 г. выступили вместе с крайне правыми с запросом к министру юстиции по поводу недостаточной энергичности властей в расследовании дела об убийстве А.Ющинского, так называемого «дела Бейлиса». [73].

По мере того, как общелиберальные реформы заходили в тупик и октябристы выражали по этому поводу все большее беспокойство, нарастали их противоречия с русскими националистами, для которых именно вторая половина столыпинского премьерства, связанная с проведением «политики русского национализма», явилась периодом и максимального политического могущества. По инициативе русских националистов был принят закон о выделении Холмщины из состава Царства Польского, а также выработан законопроект о введении земства в 6 губерниях Западного края, благодаря чему русские националисты надеялись получить под свой контроль органы МСУ (по проекту квота русских помещиков, по сравнению с польскими, искусственно завышалась). Обструкция, которой (с тайного ведома Николая II) подвергся в Государственном совете законопроект о «западном земстве», привела к конфликту обеих палат с правительством П.А.Столыпина, на стороне которого выступили только русские националисты, полностью оправдавшие действия премьер-министра по проведению законопроекта в чрезвычайном указном порядке.

Вслед за «парламентским кризисом» от РНФ отделилась группа «независимых националистов» (около 20 чел.), костяк которой составила делегация Бессарабской губернии во главе с П.Н.Крупенским. Наряду с давнишней мечтой П.Н.Крупенского создать партийную коалицию, способную объединить правых и октябристов, в данном случае сыграли свою роль как его желание отмежеваться от потерпевшего политическое крушение премьера, так и определенное недоверие националистическими крайностями партии П.Н.Балашева. Так, П.Н.Крупенский, в отличие от последнего, предлагал делить всех инородцев на «не поддающихся ассимиляции» — финны, поляки, евреи — и «поддающихся» — немцы, татары, армяне, молдаване, греки и др., которым необходимо предоставить равноправие [164, с. 75, 125—126; 39, с. 97, 109; 5, с. 407—408; 329—1911, 1 мая; 318—1911, 1 мая; 322—1911, 1—18 мая; 329 — 1912, 11 сен.].

В 1911 г. группа петербургских членов ВНС во главе с М.Я.Балясным предприняла попытку найти идейную почву для сближения русского национализма с либерал-демократизмом веховского толка. С этой целью был издан «национально-демократический» сборник «Ладо», в котором принимали участие представители всех оттенков неославизма и национализма: от Д.Н.Чихачева и В.А.Бобринского — до близкого к социалистам В.М.Бехтерева [243, 282].

После убийства П.А.Столыпина взаимодействие русских националистов с октябристами, прерванное после парламентского кризиса, возобновилось. Однако в условиях отказа нового главы кабинета В.Н.Коковцова от постоянного сотрудничества с Государственной Думой, а также от активного проведения в жизнь национал-либерального курса, — прочного правительственного большинства в Государственной думе сложиться уже не могло. По мере нарастания кризиса политической системы «думской монархии» внутри ВНС и его думской фракции наметились два течения. Правое — во главе с П.Н.Балашевым, которому сочувствовала газеты «Голос Руси» и «Подольнин», выступало за тесный союз с крайне правыми

и против поддержки В.Н.Коковцова по внутривнутриполитическим вопросам. Левое — лидеры — В.В.Шульгин, А.И.Савенко, В.Я.Демченко, поддерживаемое газетой «Киевлянин», высказывалось в пользу альянса с октябристами и прогрессистами на платформе внутренней политики В.Н.Коковцова, выступавшего за умеренный в отношении либеральной общественности курс. В то же время и правые, и левые националисты осуждали экономический курс премьер-министра и активно способствовали тому, что в начале 1914 г. он был свергнут своим давнишним конкурентом А.В.Кривошеиным, обещавшим уделить больше внимания нуждам сельского хозяйства вообще и русских помещиков Западного края в частности [34; 59; 73; 356].

В конце 1913 г. произошел организационный раскол Киевского клуба русских националистов, большинство членов которого поддерживало позицию А.И.Савенко. Осенью 1913 г. В.В.Шульгин, вразрез с позицией руководства ВНС, публично осудил организаторов «дела Бейлиса» [322 — 1913, 1—30 дек.]. В 1914 г. А.Л.Гарязин предпринял попытку организации «Имперской народной партии», близкой по духу лево-либеральной группе депутата М.А.Караулова [268, 279].

Окончательный раскол произошел 13 августа 1915 г., когда от фракции ФНУП отделились 22 чел. во главе с В.А.Бобринским и В.В.Шульгиным, образовавшие «прогрессивно-национальную группу», вошедшую в состав Прогрессивного блока. Впоследствии число «прогрессивных националистов» достигло 36. Сторонники П.Н.Балашева, не вошедшие в Прогрессивный блок, так и не смогли заключить прочного соглашения с крайне правыми, продолжая вплоть до февраля 1917 г. колебаться между ними — и «прогрессивными националистами» [364; 216].

Многие русские националисты, в том числе члены Государственной думы, приняли участие в Первой мировой войне. Силами Союза была создана Юго-Западная общественная земская организация

(ЮЗОЗО) — местный аналог Всероссийского земского союза [359].

После Февральских событий большинство русских националистов сходило с политической арены (некоторые сразу же эмигрируют), однако другие лидеры прогрессивного крыла ВНС, прежде всего В.В.Шульгин, прочно сблизившиеся с правой частью либеральных радикалов — П.Б.Струве, Н.Н.Львовым, кн. С.П.Мансыревым и др., попытались воссоздать националистскую организацию в Киеве и играли активную роль в консолидации антисоциалистических сил [345—346; 350; 359].

После Октябрьских событий значительная часть бывших членов ВНС, в том числе М.О.Меньшиков, С.В.Рухлов и др., была физически уничтожена, некоторые из них — В.В.Шульгин, Л.В.Половцов, Д.Н.Чихачев и др. — приняли участие в Белом движении. Многие русские националисты эмигрировали [83; 86; 358; 486—487].

2. Формирование и эволюция организационного самосознания русских националистов

Осмысление русского национализма как партийно-политического феномена и определение его места в текущей социально-политической действительности занимало одно из важнейших мест в рассуждениях идеологов ВНС. «Национальное дело» трактовалось ими как всеохватывающее общественно-политическое явление, как «совокупность национальных: чувств, мысли, деятельности и ее результатов» [219, с. 152] (М.Я.Баясный).

Мысль о необходимости создания политической организации, во-первых, отстаивающей русские национальные интересы, и в то же время отличной от черносотенных союзов, и, во-вторых, стоящей на платформе умеренно-либеральных реформ, и в то же время отличной от Союза 17 октября, — впервые была высказана будущими идеологами ВНС еще в разгар революции 1905—1907 гг. Так, один из организаторов

и лидеров Киевской партии правового порядка (КППП) А.И.Савенко (в будущем — один из организаторов и идейных лидеров ККРН и один из главных ораторов ФНУП в IV Государственной думе) высказывал в 1906 г. уверенность в том, что в недалеком будущем в России «должна народиться могущественная партия центра», которая, «будучи по программе умеренно-либеральной, т.е. стоящей за разумные реформы, в то же время будет национально-патриотической». А.И.Савенко специально подчеркивал, что претендующий на эту роль Союз 17 октября оказался политически несостоятельным по причине своей недостаточной твердой приверженности русскому национальному сгедо: «Бесцветные и неопределенные октябристы-маниловы, силившиеся изображать собой партию центра, стоящую посредине между революционерами и "реакционерами", окончательно объявили свою "платформу", решив примкнуть к революционерам из боязни националистических партий». Далее автор заявлял о том, что на региональном уровне такие, более подходящие на роль «центра» партии, уже есть, в частности, «в Киеве мы имеем давно такую партию: это Партия правового порядка»; «Стоя между либералами-космополитами и крайними правыми», эти партии «являются именно национально-прогрессивными». Впоследствии теми же словами А.И.Савенко будет характеризовать политическую сущность ВНС, заявляя о том, что в его лице в России возникло «новое мощное течение: национально-консервативное, но без крайности изуверства и нетерпимости, культурно-прогрессивное, но без всяких примесей космополитизма» [290; 322 — 1906, 30 авг.; 266, с. 274—275] (А.И.Савенко).

Наибольший вклад в дело первоначальной разработки русско-националистского партийно-строительного символа веры внес М.О.Меньшиков: «Мысль о создании такой партии, — без ложных экивоков подчеркивал в этой связи он сам, — приписывается мне». «После первых же заседаний учредительного кружка (ВНС. — Д.К.), — спешил засвидетельствовать

М.О.Меньшиков незадолго до Учредительного собрания ВНС свою роль "крестного отца" партии, — ко мне приехал князь А.П.Урусов, лидер партии националистов в Г. Думе. Он заявил, что их партия, считающаяся что-то около 40 чел., сложилась под влиянием моих статей о необходимости русской национальной партии. Я счел это, конечно, добрым знаком. Целая парламентская группа записывается в Союз! С другой стороны, и другая фракция — умеренно-правых — заинтересовалась национальным Союзом. Некоторые члены группы г. Крупенского выразили мне принципиальное сочувствие» [249, с. 127—129, 315—317].

Действительно, роль М.О.Меньшикова в идейно-организационной консолидации русских националистов, особенно на начальном этапе партийного строительства, была чрезвычайно велика. На протяжении 1906—1908 гг. М.О.Меньшиков опубликовал серию статей, где последовательно обосновал тезис «о необходимости создания русской национальной партии» «приблизительно тех умеренных взглядов, которых я держусь», то есть не похожей ни на «иностранческое кадетство», ни на крайний монархизм: «Русские так называемые "черносотенные" организации, если не ошибаюсь, лишь грубый черновик нового движения». «Очень может быть, что крайние монархисты сохраняют свое положение непримиримой кучки, — но параллельно ей, ближе к центру, сложится сильная русская партия»; «В отличие от "Союза русского народа", желающего вернуть государственность к плохой практике, опозорившей Россию, — русская национальная партия продвинет государственность вперед, к идеалу добросовестной и сильной власти, опирающейся на строгослуживательный к своей судьбе и законопослушный народ» [248, с. 529, 603; 249, с. 127—129].

Говоря об умеренно-реформистской сущности вновь нарождающейся русской национальной партии, М.О.Меньшиков специально подчеркивал, что непосредственными ее конкурентами должны оказаться не занимающие крайне правый фланг черносотенцы, а октябристы, претендующие на роль главной силы по-

литического «центра»: «...„Голос Москвы“ наивно лжет, будто бы возникающий национальный союз рассчитывает на развал теперешней реакционной партии, собираясь подобрать ее остатки. Гораздо в большей степени национальный союз вправе рассчитывать на крах октябристской группы. Собственно реакционерам нечего делать в новом национальном союзе... Если кому может быть интересен новый национальный союз, то именно умеренным группам, признающим нашу новую государственность, утвержденную Основными Законами, но которым до сих пор не удается взять верный и сильный, — т.е. национальный тон. Нет никакого сомнения, что если бы Союз 17 октября был русской партией — не на словах, а на деле, — то не было бы нужды в иных национальных организациях. Но ведь этого, к сожалению, нет». По мнению М.О.Меньшикова, ВНС должен был стремиться к тому, чтобы, пополнив свои ряды «любящими родину октябристами», затем политически подмять под себя всю рядовую массу русских либералов, включая их не только умеренную, но также радикальную часть: «Нет сомнения, сильная национальная партия явилась бы страшной для бледных эфемерид, вроде *кадетской* (курсив мой. — Д.К.) и октябристской групп» [249, с. 136—139] (М.О.Меньшиков).

Необходимо, впрочем, отметить, что идейное влияние М.О.Меньшикова на коллег по организации русской национальной партии не следует преувеличивать: «Многие, в особенности ярые поклонники и поклонницы этого почтенного публициста, — отмечал в этой связи секретарь Совета ВНС проф. Н.О.Куплеваский вскоре после Учредительного собрания ВНС, состоявшегося 19 июня 1908 г., — полагают, что все высказанное М.О.Меньшиковым в газете „Новое Время“ есть мнение или положение, принятое целым Союзом... Положение М.О.Меньшикова во Всер. Национ. Союзе весьма почтенное и влиятельное, но Всероссийский Союз состоит не из одного М.О.Меньшикова»; «Очень может быть, что когда-нибудь и сам М.О.Меньшиков сочтет полезным сде-

лать об этом мимолетное замечание для устранения неправильных суждений о Всероссийском национальном союзе. (Это желание автора осуществилось. М.О.Меньшиков в некоторых из своих статей предоставил своим читателям от отождествления всех его мнений с мнениями тех союзов, в которых он состоит действительным членом)». [241, с. 7—8].

Ремарка Н.О.Куплеваского имела под собой достаточно веские основания. Точка зрения М.О.Меньшикова по вопросу о сущности создаваемого ВНС изначально разошлась с позицией представителей думской «национальной группы», в итоге чего нововременский публицист вынужден был смириться с невозможностью превратить ВНС в широкую надпартийную лигу, объединяющую под знаменами национализма русских либерал-реформистов всех мастей и оттенков: «Лично мне русский Национальный Союз представлялся скорее лигой, чем партией. Я не думаю, чтобы не только теперь, но даже тогда, когда бы то ни было все русские люди слились в одну политическую веру». «В проект устава Национального Союза я внес лишь одно политическое определение: согласие с Основными государственными законами. Мне казалось, что люди, не признающие Основных государственных законов, потому не могут быть членами Союза, что они — революционеры (слева или справа), а революционеры eo ipso преступники»; «Русские люди, кто бы они ни были, консерваторы, либералы, радикалы, могут расходиться по тысяче направлений», но при этом отстаивать «те позиции, которые ради существования государства непременно должны быть в русских руках»; «Сообразно такому рассуждению, Всероссийский Национальный Союз мог бы явиться коалицией русских национальных партий для борьбы лишь по одному фронту — против инородческого засилья»; «К сожалению, я должен заявить, что моя точка зрения не принята. Дело слагается, по-видимому, так что Всероссийский Национальный Союз будет партией, а не союзом партий. Члены фракции кн. А.П.Урусова настаивают на точном определении программных во-

просов»; «Я протестовать против этого не стану»; «Не устав и не программа составляют силу всякого общества, а будущая практическая, ежедневная работа» [249, с. 315—317].

В дальнейшем, — особенно после того, как на рубеже 1909-1910 гг. возник Всероссийский национальный клуб, членами которого, помимо русских националистов, стали также представители других политических партий (крайне правые, октябристы и др.), — лидеры ВНС больше не возвращались к дискуссии на тему о том, должен ли быть ВНС просто партией — или же «лигой партий», если не считать того обстоятельства, что сам М.О.Меньшиков время от времени напоминал о своей приверженности «надпартийному» пониманию сущности русского национализма: «Хотя национализм у нас и зовется партией, но по самой природе своей он выше всякой партийности и враждебен ей. Партийность есть разделение народа, национализм — соединение его» [254, с. 703—704].

В то же время понимание характера партийной деятельности у первого (С.В.Рухлов, А.П.Урусов, И.С.Дурново и др.) и второго (П.Н.Балашев, Д.Н.Чихачев, А.А.Мотовилов и др.) поколения руководителей ВНС оказалось различным. Расхождения во взглядах по данному вопросу стали особенно острыми в начале 1910 г., в связи с приходом к руководству ВНС бывших лидеров Партии умеренно-правых (ПУП), которыми стали высказываться идеи о недопустимости существования ВНС в качестве элитарного столичного «клуба» и о необходимости превращения его в ориентированную прежде всего на участие в региональных и всероссийских выборах политическую партию с развитой сетью местных организаций и реальным участием провинциального актива в принятии важнейших партийных решений. Свое видение организационной сущности ВНС новые лидеры закрепили в соответствующих пунктах нового Устава ВНС.

Если первоначальный Устав ВНС, утвержденный 3 июня 1908 г., объявлял высшим органом Союза Об-

щее собрание его членов, то есть фактически только членов ВНС, живущих в Санкт-Петербурге, из состава которого избирался Совет, в свою очередь, назначавший всех должностных лиц, включая председателя [191], — то новый Устав, утвержденный 3 мая 1911 г., провозгласил высшим партийным органом ежегодное Всероссийское собрание представителей, избиравшее и Главный совет, и председателя ВНС (он же автоматически — председатель ГС ВНС). Кроме того, по требованию не менее 1/3 местных отделов в любой момент могли созываться Всероссийские съезды членов ВНС. Санкт-Петербургский отдел ВНС, который прежним Уставом ВНС не предусматривался вовсе, отныне выступал наравне с прочими местными отделами ВНС, что резко повышало роль провинциальных лидеров ВНС по сравнению с их столичными товарищами по партии [193].

В то время как Устав ВНС 1908 г. уделил разделу «Местные отделы» всего 5 параграфов, в которых по сути лишь признал возможность существования таких отделов (не забыв, впрочем, вменить им в обязанность отчисление в пользу Совета Союза «не менее 20% собираемых ими членских взносов»), — Устав 1911 г. посвятил аналогичному разделу 21 параграф, в которых подробнейшим образом осветил порядок и задачи функционирования местных отделов ВНС. Деятельность местных отделов ВНС отныне должна была подчиняться интересам наиболее эффективного участия ВНС в работе представительных учреждений — Государственной думы, Государственного совета, земств. Тесную связь деятельности всех организационных структур ВНС с необходимостью участия членов партии в выборах в законодательные учреждения подчеркивало также то обстоятельство, что 1/3 ГС ВНС избиралась членами ВНС, являющимися одновременно членами Государственной думы и Государственного совета по избранию. Что касается финансовых взаимоотношений ГС ВНС и местных отделов, то они значительно демократизировались: во-первых, отныне местные отделы ВНС перечисляли в кассу Сою-

за не строго определенную «сверху» сумму, а лишь то количество денег, которое сами сочтут необходимым, «согласно инструкции, составленной Собранием представителей» (§ 40); во-вторых, местные отделы получали право «с разрешения Собрания представителей, понижать или повышать, в исключительных случаях, размер членского взноса в пределах от 50 коп. до 3 рублей» (§ 14), что, по мысли разработчиков нового Устава, призвано было облегчить прием в организацию малообеспеченных членов. Уставом ВНС 1911 г. предусматривалась также такая форма местной партийной жизни, как созыв губернских и районных Собраний представителей.

В целом эволюция, проделанная идейными вождями ВНС на протяжении 1907—1911 г. в связи с вопросом о его организационной сущности, свидетельствовала о неуклонном усилении в руководстве ВНС тяги к построению политической партии, максимально приспособленной к эффективной работе в условиях «думской монархии».

Свое основное предназначение ВНС, с точки зрения его идеологов, усматривал в том, чтобы, содействуя продвижению России по пути реформ, обеспечить одновременное решение следующих трех важнейших проблем, неизбежно порождаемых процессом обновления государственной и общественной жизни России.

Во-первых, следовало не допустить ущемления «державных прав» русского народа. § 1 Устава ВНС 1908 г. (пункт «а») гласил, что Всероссийский национальный союз имеет целью содействовать «господству русской народности в пределах Российской империи» [191]. О необходимости ограждения во всех частях Империи «господства русской народности» гласил тот же пункт § 1 Устава ВНС 1911 г. [193]; «В возникновении Всероссийского Национального Союза, — подчеркивал М.О.Меньшиков незадолго до формального образования ВНС, — я вижу лишь одну цель: отпор инородческому засилью. Кроме государственной, необходима общественная, т.е. мирная по существу

борьба за господство русского племени» [249, с. 315]; сразу же после своего создания ВНС устами Н.О.Куплеваского объявил о том, что «объединяет тех русских националистов, которые... считают необходимым путем влияния на законодательство, образованием русских национальных обществ, поднятием образования и другими культурными способами выступить на решительную борьбу в защиту интересов коренного русского населения» [241, с. 4]; «Всероссийский Национальный Союз, в широком смысле слова, есть группа людей, объединенных желанием и стремлением осуществить идею постановки в Русском государстве Державной Русской нации на той высоте и на том фактическом положении, кои подобают в государстве нации, создавшей данное государство» [327 — 1914, 8 фев.] (П.И.Ковалевский); «Мы уверены, что, как только свершится это возрождение здорового русского патриотизма, нам не придется более жаловаться на пренебрежение к нам наших инородцев, а тем более на их засилье над нами» [277, с. 6].

Во-вторых, необходимо было содействовать возрождению великодержавного статуса Российской империи, поколебленного серией неудачных войн середины XIX — начала XX в. Русская национальная экспансия не должна была, по мнению идеологов ВНС, замыкаться в пределах Российской империи: «Либо мы Великая Держава, и в таком случае должны стремиться к обладанию мировой гегемонией, или, по крайней мере, к участию в ней, либо мы нация... устала, обессиленная, падающая, вырождающаяся», неспособная «достроить победно свой Третий Рим» [274, с. 28—29] (В.Онежский). Практически во всех программных документах русских националистов виднейшее место отводилось положениям, в которых речь шла о необходимости скорейшего восстановления «военного могущества Российской Империи» и всемерном «содействии росту боевой мощи России». Причем с течением времени порядковый номер этих программных пунктов становился все более почетным (1908 г. — «10», 1910 г. — «5», 1912 г. — «2») [187; 189;

185]. Внешнеполитически экспансивные стороны националистской партийной доктрины нашли отражение в заключительной строфе программного стихотворения А.А.Мотовилова «Националист»: «Тогда воспрянет наша Русь, / Помехи все она отринет, / Народу скажет: «эй, не трусь»... / Свои границы разодвинет» [315 — 1912, № 1, с. 4]. В то же время следует отметить, что по сравнению с другими политическими партиями либерального направления, как умеренными, так и радикальными, русские националисты во внешнеполитических вопросах занимали достаточно умеренную позицию, отнюдь не выдвигая задачи внешнеполитической экспансии на передний план своей идеологии и тактики, хотя в целом склонялись к антантофильской линии и склонны были осмысливать европейские внешнеполитические коллизии в контексте антиномии «славянство — германизм» [20, с. 24—31; 41, с. 19—39].

В-третьих, необходимо было придать процессу реформирования «умеренный», т.е. национально-консервативный (в противовес навязываемому оппозицией радикально-космополитическому) оттенок. Эту задачу провозглашали пункт «г» Устава ВНС 1908 г. и пункт «в» Устава ВНС 1911 г., объявлявшие целью ВНС «упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством» [191; 193]. «Возникающий национально-прогрессивный союз делает попытку внести в расстроенную стихию русского общества его естественный, природный строй», внося в русскую жизнь таким образом начала «истинного либерализма» [249, с. 136—139] (М.О.Меньшиков); «"...На легком тормозе вперед — вот мой принцип!" — говорил покойный П.А.Столыпин. Но государственно важную роль этого тормоза не могут выполнять отдельные лица: для этого необходимо целое общественное течение, целая партия. Такой партией и является национальная»; «Крепко стоя на корнях родной страны, национальная партия должна бережно и любовно охранять все то лучшее, что имеет сейчас Рос-

сия и что эволюционным путем может развиваться в еще лучшем, в прекрасном» [290; 294, с. 84] (А.И.Савенко).

Важнейшим условием успешного достижения поставленных перед ВНС целей, по единодушному убеждению его идеологов, являлось пробуждение «уснувшего» русского национального самосознания: «Пробудившееся национальное сознание имеет главной своей задачей содействовать господству русской народности в пределах Российской Империи» [324 — 1911, 7 фев.] (Ф.Н[еелов-?]). Пункт «б» § 1 обоих Уставов ВНС провозглашал целью партии укрепление "сознания русского народного единства" [191; 193]. «Для многих кажется диким и странным существование "Всероссийского Национального Союза" в независимом русском государстве»; «Да, такой союз был бы ненужным, если бы русский народ представлял одно великое целое, одушевленное единым национальным порывом» [261, с. 2—3] (В.Ф.Лашков); «Едва ли не самое главное зло не столько в инородцах, сколько в инородцах по духу, хотя и русских по рождению. Опасно наше равнодушие, безразличие к национальному вопросу, недостаток патриотизма, удивляющий даже инородцев» [324 — 1911, 7 фев.] (Ф.Н[еелов-?]); «Великороссы отличаются каким-то параличом национальности» [248, с. 381] (М.О.Меньшиков), оставляющим их «совсем равнодушными к тому, что должно являться дорогим для нас и священным» [315 — 1912, № 4, с. 1]; «Великороссы ругают великую Россию, оплевывают все национальное, старозаветное, в чем выразилось наше племенное своеобразие»; «Инородцев это сначала поражает, затем заставляет нагнеть. Они смотрят на иного важного русского барина и думают про себя: ага! вот он кто:

Он с татарин — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным барином — лакей» [248, с. 278] (М.О.Меньшиков).

Особенно опасным, с точки зрения ВНС, являлась «денационализация» образованной части русского общества. Россия, неоднократно подчеркивал М.О.Меньшиков, «гибнет от недостатка патриотизма, от равнодушия к родине высших классов»; «Русский народ, единственный из всех, не имеет национальной аристократии, не имеет патриотического среднего класса» [248, с. 239, 278, 378, 380—381, 466, 663]; русская интеллигенция «лишена национального чувства»: «Вот где кроются причины успеха инородческого засилья и нашей слабости» [293, с. 41]) (Д.Я.Балясный). По мнению П.И.Ковалевского, русская национальная партия была призвана, во-первых, «в массах темного народа подогреть национальное чувство», а во-вторых, «уничтожить развратный индифферентизм и денационализм» образованной части русского общества [235, с. 16]. Призывая к «великому делу объединения в стране всех националистов», П.Н.Балашев мечтал о том дне, когда восторжествует «загнанная ныне идея национализма над развитым среди части интеллигенции чувством космополитизма» [330 — 1909, 27 окт.]. М.О.Меньшиков неоднократно подчеркивал, что «национализм русский в эпоху обостренных национализмов во всем свете — не вздор», что это «собираение души народной», это «внутренняя мобилизация того единства, которое нас когда-то спасало от распада» [249, с. 349—353, 378—379; 254, с. 703—704]. «Мы имеем одну надежду, — подчеркивал в циркуляре, адресованном местным отделам, Совет ВНС, — пробудить у русских людей чувство уважения к себе», «и мы одушевлены мечтой — увидеть русского человека, излеченного от национальной апатии, окрыленного высоким чувством любви к Родине и верою в ее силы, гордого своей принадлежностью к великой нации» [277, с. 6]. «Задачи (Всероссийского национального. — Д.К.) союза, — отмечал А.П.Урусов, — пробудить, возродить и поднять на должную высоту русский национализм... Эпидемия космополитизма не представляет непреодолимой опасности, т.к. с нею уже справились благополучно такие государства, как Германия и Анг-

лия. Теперь очередь за нами» [330 — 1908, 20 июня]. Об этом же писали другие партийные идеологи [324 — 1911, — 7 фев.] (Ф.Н[еелов—?] [221, с. 42] (В.А.Бернов).

Особенно актуальным, по мнению идеологов ВНС, русское национальное пробуждение становилось в связи с произошедшим в итоге преобразований 1905—1907 гг. раскрепощением гражданской и политической энергии российского общества (в том числе инородческой его части). Для России «настало то именно время, когда главным фактором является общественное мнение, которое у нас управляется не патриотами, а кадето-евреями» [291, с. 11] (А.И.Савенко); «Играющее ныне столь важную роль общественное мнение страны ...сплошь и рядом оказывается глухо и даже враждебно к самым кровным русским интересам и в то же время преисполнено горячего сочувствия к притязаниям инородцев, явно клонящихся в ущерб русской народности» [277, с. 4]; «Именно потому, что условия для национализма в России исключительно плохи, — сложившаяся национальная партия в парламенте несет на себе двойную ответственность»; «Основное призвание русской национальной партии состояло в том, чтобы пробудить *единодушие* нашей государственности, сначала в законодательных учреждениях, затем — в администрации, поскольку на нее влияет законодательство и, наконец, в русском мыслящем обществе (включая в него сознательную часть народа)...» [254, с. 703—704] (М.О.Меньшиков).

Двигаясь по пути русского национального пробуждения, ВНС, по мысли его идеологов, обречен был вступить в борьбу с многочисленными врагами: «Несмотря... на всю естественность, разумность и даже необходимость национальной идеи, мы видим, что ни одна политическая партия не возбуждает против себя столько бешеных нападков, как партия русских националистов».

Номенклатура политических врагов русского национализма выглядела следующим образом: *евреи* («не имея собственного отечества, еврей — прирожденный космополит... Поэтому всякий патриотизм, всякая на-

циональная идея ненавистны еврею... Алчный, ненасытный и преступный семитский народец хорошо понимает, что национализм — это именно то, обо что он может обломать свои зубы»); *инородцы*, «прежде всего те инородцы, которые мечтают о расчленении России и создании на ее развалинах автономных или независимых государственных организмов: Польши, Литвы, Грузии, Армении, Эстонии, Татарии и проч.»; *либеральные радикалы* — «наши политические иезуиты, облыжно именующие себя партией народной свободы»; *социалисты* — «крайние левые, сбитые с толку безумным учением о всеобщем принудительном равенстве и братстве и всеобщем блаженстве из-под палки в алюминиевых казармах»; *черносотенцы* — «поклонники полицейского государства, вроде пресловутого кн. Мещерского», которые «ненавидят все, что ограждает эту нашу историческую общенародную святыню (самодержавие. — Д.К.) от их нечистых посягательств; следовательно, ненавидят и националистов» [265, с. 26—29].

Натиск политических врагов (прежде всего инородцев) должен был, по мысли русских националистов, встретить со стороны ВНС «необходимое противодействие»: «историк Моммсен говорил германскому народу: "не заблуждайтесь, отечество *всегда* в опасности. Каждый гражданин должен постоянно быть настороже и всегда готов к оружию"» [261, с. 12—13] (В.Ф.Лашков); [324 — 1910, 15 мая]; [1190] (Н.И.Герасимов). Вообще, обоснованию своей партийной борьбы при помощи ссылок на европейский политический опыт идейные руководители ВНС неизменно уделяли особое внимание, подчеркивая при этом отличие своих «культурных» методов борьбы — от «некультурных» (черносотенных): «Само собой разумеется, что наш Союз может действовать только легальными или закономерными средствами, прежде всего силою проповеди и убеждения»; «В деле пробуждения народа от вековой дремоты не может быть каких-либо иных путей и средств, кроме тех, которые испытаны ранее проснувшимися народами. Сознательно или невольно нам придется повторить те же

способы и приемы, что использованы на Западе» [248, с. 281, 380—381; 249, с. 136—139, 349—353] (М.О.Меньшиков).

Таким образом, несмотря на частичное сходство партийной тактики русских националистов и черносотенцев в рассматриваемую эпоху, нередко координировавших свои усилия в борьбе с политическими врагами из числа инородцев и левых политических партий, идеологическое обоснование данной борьбы, присущее ВНС, заметно отличалось от того, которого придерживались крайне правые, стремившиеся прежде всего к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности традиционалистские начала российской общественно-политической жизни, а отнюдь не к тому, чтобы приблизить Россию к европейским стандартам социально-политического развития.

Наступательным и агрессивным русский национализм, согласно заявлениям его идейных вождей, должен был оставаться лишь до тех пор, пока «не достигнет окончательной победы над нападающими на него и подтачивающими его силами»: «Вечно воинствующий национализм по самой своей природе немислим. Сила его — созидательная, и главное ее направление — стремление к всяческому возвышению данного народа, а не постоянная борьба, направленная к ослаблению других» [218, с. 5] (П.Н.Балашев); «В соревновании с другими народами русский народ может идти по двум путям. Он может заботиться о своей культурности, развитии, материальном благополучии, организованности, взаимопомощи. Он может более или менее стеснять интересы других народностей — прибегать, так сказать, к покровительственной национальной системе. Из этих двух систем *главнейшей и наиболее действительной* является первая, и когда народ развивается и делается сильным настолько, что соперничество других народов ему не страшно, — покровительственная система отпадает сама собой» [261, с. 4] (В.Ф.Лашков).

Для выражения созидательного пафоса националистской идеологии В.П.Опочинин избрал поэтическую форму:

«ТУДА»

«Нет, место наше здесь — у разрыхленных пашен:
Крестом чело и грудь, и плечи осенев,
В работе будничной меж хлебородных нив
Поймем, что мы сильны и что нам враг не страшен,
Что побеждает тот, кто не ленив» [275, с. 100—101].

Данные заявления, впрочем, не означали, что переход от «воинственных» к «мирным» формам партийной деятельности должен быть осуществлен уже в ближайшем будущем: «В интересах родного русского народа мы не имеем права отказываться (в ближайшее время. — Д.К.) от покровительственной системы» [261, с. 3—5] (В.Ф.Лашков).

Говоря о формах и методах партийной работы, Устав ВНС 1908 г. упоминал четыре основных их типа: *организационно-строительный* («устанавливать собрания и съезды», «открывать отделы Союза вне г. С.-Петербурга»), *агитационно-пропагандистский* и *просветительский* («издавать книги, брошюры, газеты, воззвания, картины», «учреждать аудитории, школы, библиотеки, читальни, кружки самообразования, выставки, музеи, театральные сцены, народные дома»; «устанавливать кружки и собрания литературные, художественные (музыкальные, певческие и другие), а также для физического развития (гимнастические, стрелковые и другие)»); *социально-экономический* («содействовать основанию обществ бытовой самопомощи, как-то: потребительные, промышленные и торговые товарищества, склады, страховые и кредитные учреждения и т.п.»); *функционально-политический* («возбуждать перед государственными и общественными учреждениями ходатайства по предметам, относящимся к целям Союза»; «вступать в сношения с другими обществами») [191].

Как нетрудно заметить, такая трактовка партийных методов работы ВНС основывалась на представлении о нем как об организации не столько политической, сколько общественной в самом широком смысле

этого слова. Характерно, что два «политических» пункта Устава ВНС не просто стояли последними в общем перечне, но были сформулированы таким образом, чтобы максимально затушевать политический характер деятельности ВНС, сведя его к «ходатайствам» и спорадическим «вступлениям в сношения», под которыми таким образом подразумевалась и думская деятельность Союза. В то же время на основании текста Устава было бы неверно делать вывод о том, что русские националисты в самом деле рассматривали свою организацию как преимущественно неполитическую по методам работы.

Характерно в этой связи следующее признание одного из главных разработчиков партийно-строительных основ ВНС (включая Устав 1908 г.) М.О.Меньшикова: «Мне кажется, главная цель национальной партии при основании ее заключалась в том, чтобы *национализировать* парламент, а через него — и всю страну». Исходя из такого — «парламентско-политического» определения главной партийной цели (являвшейся, как легко заметить, не столько главной целью, сколько «главным методом»), М.О.Меньшиков за день до Учредительного съезда ВНС формулировал свое представление о методах работы Союза на местах так: «Мне кажется, в Петербурге и в каждом городе, где сложится отдел Национального Союза, следует прежде всего устроить Дом Союза, как материальную точку опоры»; «Дом Союза мог бы включить в себя разнообразные учреждения, которые предвидит устав». (Национальный клуб, квартиру для совещаний совета и постоянного общения членов ВНС, редакцию печатного органа, библиотеку, читальню, аудиторию для народных чтений, школу, музей, книжный магазин, типографию, юридическую консультацию, потребительский склад и магазин, банк для мелкого кредита et caetera). Как нетрудно убедиться, все перечисленные методы работы Союза на местах, включая «*социально-экономические*» и «*культурные*», должны были, по замыслу М.О.Меньшикова, носить прежде всего пропагандистско-просветительский характер, то есть

такой, который был в конечном счете нацелен на решение главных политических задач — «национализации» парламента и всей страны. Каждое из перечисленных им мероприятий, — подчеркивал в этой связи сам М.О.Меньшиков, должно быть «средством национальной пропаганды, способом пробуждения народа от теперешнего нравственного маразма» [249, с. 377—379].

Спустя год, приступая к организации ПУП, П.Н.Балашев (который после слияния 31 января 1910 г. ПУП и ВНС возглавит Совет объединенного ВНС) посвятил проблеме методов будущей партийной деятельности подробное интервью с корреспондентом «Нового Времени», скрывшимся под псевдонимом «Альфа». По сравнению с М.О.Меньшиковым, П.Н.Балашев не только выделил в особый раздел партийной работы сбор и обработку необходимой информации («научно-подготовительная» часть), но и попытался демонстративно «уйти от политики», заявив о том, что «на одних громких фразах и политических платформах нынче далеко не уйдешь», и уделив основное внимание перечислению социально-экономических («практически применительных») методов партийной работы. Среди которых значились следующие: учреждение районных банков и касс для крестьян, оказание им помощи в установлении связей с правительственными учреждениями «и отдельными чиновниками», а также в покупке продуктов первой необходимости «без тяжелого процента передаточных инстанций»; учреждение справочных бюро для городских безработных, лечение больных горожан; организация кружков взаимопомощи и взаимного страхования, информация горожан о состоянии потребительского рынка; составление коммерческих справок и бюллетеней для землевладельцев et caetera. Несмотря на все это, рассуждения П.Н.Балашева о методах партийной работы в целом носили такой же политизированный и парламентско-ориентированный характер, как и рассуждения М.О.Меньшикова. Так, главной целью всех «практически применительных» мероприя-

тий должно было являться повышение популярности ПУП как политической партии и привлечение в ее ряды новых членов: «Чтобы заставить нужных людей стать в наши ряды и нужные средства приливать в кассу нашей партии, необходимо войти в соприкосновение с жизнью»; «Поверьте, крупица этого дела будет полезнее ворохов агитационной литературы, томов красноречивейших выступлений». В свою очередь, одной из целей «научно-подготовительной» части партийной деятельности ПУП П.Н.Балашев называл информационно-аналитическое обеспечение работы думской фракции ПУП: «Полученные результаты (научно-подготовительных изысканий. — Д.К.) окончательно обрабатываются, приводятся в одно стройной целое и поступают в партию... для законодательной разработки через думскую фракцию партии» [325 — 1909, 9 мар.]. Таким образом, следует заключить, что стремление П.Н.Балашева к провозглашению своей «аполитичности» не означало реального стремления лидера ПУП к отказу от политических, парламентско-ориентированных форм и методов партийной работы.

После слияния ПУП и ВНС в ту часть принятого в 1911 г. Устава ВНС, которая содержала перечень форм и методов партийной работы, были внесены следующие добавления (выделены курсивом): в пункт «б» — «открывать отделы Союза в г. Санкт-Петербурге и вне его»; в пункт «е»: «устраивать собеседования, чтения, доклады, лекции...»; а также весь пункт «и»: «вступать в союзы и сливаться с другими родственными по идее организациями» [193]. Как нетрудно заметить, данные добавления свидетельствовали о дальнейшей «политизации» представлений руководства ВНС о методах его работы, что, в частности, выразилось в намерении расширить пропагандистскую и усилить организационную активность Союза.

На всем протяжении рассматриваемого периода русские националисты продолжали указывать на необходимость «устройства русской бытовой самопомощи» [191; 193], [249, с. 349—353] (М.О.Меньшиков). Данная форма работы также имела не столько «быто-

вой» в обычном смысле этого слова, сколько политический смысл, нацеленный на русскую национальную консолидацию в целях борьбы с «инородческим за-
сильем» [235, с. 17—19] (П.И.Ковалевский).

Таким образом, взгляды большинства идеологов ВНС по вопросу об основных методах его работы характеризовали две особенности: во-первых (особенно в начальный период партийного становления) некоторая переоценка организационных возможностей ВНС, а во-вторых, взгляд на партию русских националистов как организацию по формам своей работы не только политическую, но также общественную, что, впрочем, не находило подтверждения в повседневной практике ВНС, основная часть деятельности которого была ориентирована на решение именно политических (пропагандистско-просветительских, электоральных, законодательных) задач. Данное противоречие частично разрешалось за счет того, что неполитические методы партийной работы рассматривались русскими националистами преимущественно в контексте решения политических задач. Следует также отметить, что на протяжении рассматриваемого периода происходило некоторое усиление «политической» составляющей определения методов партийной работы, предлагаемого идеологами ВНС.

Думается, в основе сознательного стремления русских националистов к некоторому искажению определения методов собственной работы лежало несколько обстоятельств. Во-первых, нежелание лидеров ВНС официально называть свою организацию «политической партией» (данный термин не был предусмотрен законодательством Российской империи), сохранив за ней менее «политизированное» наименование «союз», что, в свою очередь, предполагало более «социально ориентированный» облик всей организационной работы. Во-вторых, тот факт, что большинство лидеров ВНС не обладали (в отличие от октябристов) предшествующим опытом политической борьбы и работы в системе земских учреждений. В-третьих, то, что на начальном этапе организационного становления ВНС

не имел в Государственной думе консолидированной и непосредственно связанной с ним фракционной опоры; в-четвертых, то обстоятельство, что лидеры ВНС опасались официально декларировать свои намерения относительно завоевания контроля над Государственной думой, учитывая тот факт, что из общественной памяти в тот момент еще не успели стереться произнесенные в период революции кадетами фразы о необходимости подчинения «власти исполнительной» — «власти законодательной».

Обе редакции партийного Устава (1908 г. и 1911 г.) разрешали проблемы социального и национального состава ВНС, как представляется, недостаточно четко и однозначно: «Членами Союза могут быть избираемы лица обоего пола, принадлежащие к коренному русскому населению или органически слившиеся с русским народом. Членами Союза не могут быть лица несовершеннолетние, учащиеся и подвергавшиеся ограничению прав по суду» [191; 193]. Данная формула, как нетрудно заметить, оставляла широкий простор для толкования таких принципиальных для определения состава ВНС понятий, как «коренное русское население» и «органическое слияние с русским народом». Следовало ли под «коренным русским населением» понимать только русских «по крови» — или также всех культурно русифицировавшихся инородцев? В чем состоял критерий «органичности» слияния инородцев с русским народом? Эти вопросы официальные партийные документы ВНС оставляли без ответа.

Как правило, касаясь данной проблемы, ведущие партийные идеологи прежде всего высказывали убеждение в необходимости собрать под знаменами русского национализма как можно более широкие массы русского народа: «Национальный русский союз, — пояснял М.О.Меньшиков, — "всероссийский народный союз", должен признать областью своего действия все русское племя — от Карпат до Тихого океана» [249, с. 127—129] (М.О.Меньшиков). П.И.Ковалев-

скому идеальный состав ВНС виделся еще более широким, хотя и не безграничным: «Национальная партия тогда только будет национальная, когда она будет народною. Она будет заключать в себе... интеллигенцию и народ — основу нации, — а также и другие национальности», «за этой партией пойдут не только православные, но и католики, магометане, — и русские, и поляки, и армяне, и татары, — только не жи-ды!» [236, с. 264].

Помимо социального, идеологи ВНС уделяли также внимание морально-интеллектуальному облику членов ВНС, — прежде всего тех, кто должен был составлять руководящее ядро партии: «Вялые и слабые, — подчеркивал в этой связи "младонищеанец" М.О.Меньшиков, — пусть лучше не идут в Союз. Неуверенные в том, что они будут действительно полезными, пусть добросовестно откажутся от кандидатуры в совет» [249, с. 377—379]; «Необходимым условием силы и влияния организации, — отмечал со своей стороны П.Н.Балашев, — действующей без особых поддержек, является ее многочисленность и удачный подбор членов. Прежде, чем приступать к постройке, необходимо подготовить годный материал и хороших работников», под которыми П.Н.Балашев, — в соответствии со своими исходными представлениями об основных методах партийной работы, — подразумевал партийных функционеров двух типов: «теоретиков» и «исполнителей», которым должны были быть присущи различные профессиональные качества и умения. «Насколько необходимы для деятельности теоретической достаточная научная подготовка, хладнокровие и способность вполне беспристрастной работы, настолько при активной работе нужны: энергия, решительность и непоколебимая железная настойчивость в деле, где, вероятно, борьба ожесточенная является неизбежным подготовителем успеха... Способными и годными к такой борьбе должны быть исполнители, и чем ответственнее и выше их положение, тем с большею яркостью должны в них проявляться нужные для этого качества» [325 — 1909, 9 мар.].

Все приведенные выше рассуждения, однако, изначально носили спекулятивно благожелательный характер. Данное обстоятельство осознавалось некоторыми лидерами ВНС вполне отчетливо, что порой, как видно из нижеследующего пассажа, приводило к идеологическим «перекосам» в противоположном направлении: «Единственной правильной основой для создания и существования партий является признание классового, и прежде всего, экономического интереса». В частности, партии центра и правого крыла (т.е. октябристы, и националисты, и черносотенцы) «представляют интересы имущих классов, в основном, помещиков» [330 — 1909, 10 апр.] (С.М.Богданов). Рассуждая таким образом, идейный вождь ВНС фактически признавал, что основным фактором консолидации партийных сил русских националистов являлся фактор социальный и что ВНС по своему составу представлял собой узкоцензовую, преимущественно помещичью организацию. Как нетрудно понять, слабость данного рассуждения заключалась в том, что оно фактически оставляло открытым вопрос о политических различиях, существовавших между всеми партиями центра и правого крыла.

Таким образом, следует заключить, что на всем протяжении рассматриваемого периода по вопросу о социальном и национальном составе партии русских националистов единодушие среди теоретиков ВНС не существовало. Возможно, одной из причин такого положения являлась недостаточная четкость и однозначность формулировки первого — самого главного — параграфа данной главы, что, в свою очередь, как представляется, было следствием крайней щекотливости данного вопроса и невозможности разрешить его четко и однозначно без ущерба для идейно-организационной прочности ВНС.

Ситуацию, сложившуюся в России в межреволюционный период, теоретики ВНС расценивали как в целом благоприятствующую пробуждению русского народа к борьбе за свои национальные приоритеты: «В России, господа, ныне существует здоровое обще-

ственное мнение» [227, с. 50] (В.А.Бобринский); «Наше дело получает неожиданную помощь в общественном отрезвлении» [228, с. 75] (Н.И.Герасимов); [218, с. 5] (П.Н.Балашев); [322 — 1911, — 1 янв.; 322 — 1911, 8 апр.] (А.И.Савенко).

На заре партийного строительства его перспектива виделась лидерам русского национализма предельно радужной: «До бесконечности развертывается перед партией светлый путь к прогрессу, добру и ощутительной пользе, а вместе с тем путь этот приведет партию, по моему глубокому убеждению, к такой высоте силы и популярности, какая и не снилась другим политическим организациям» [325 — 1909, 9 мар.] (П.Н.Балашев). В свою очередь, успех в реализации поддерживаемой русскими националистами программы действий должен был, по мнению П.Н.Балашева, высказанному на I-м партийном съезде, радикальным образом оздоровить ситуацию не только в России, но и в индустриально развитых странах Запада: «Если национальная идея будет расти с тою же силой, с которой она растет теперь, если русская государственная жизнь насквозь пропитается живительною национальною идеей, то недалеко то время, когда оппозиции нынешнего калибра и окраски в обиходе русской жизни места не будет»; «Когда на Западе наступит эра социалистических опытов, и если к этому времени русский национализм разовьется и расцветет, то России предстоит великая первенствующая роль в решении судеб человечества, — роль охранительницы и спасительницы всего лучшего, что дала предшествующая история людей и современная цивилизация» [329 — 1912, 21 фев.; 219, с. 157]; «И поверьте, — вторил вождю ВНС один из видных членов ККРН Н.Н.Чихачев, — когда высоко поднимется волна национализма, сама собою стихнет инородческая смута, сгинут подкопы под устои христианской общины и государства, все те западные учения, которые под приманкой свободы и братства только разжигают злые инстинкты и страсти. Я верю, близка заря национального возрождения» [233, с. 11—12]. В свою очередь,

М.О.Меньшиков в числе перспективных целей партийной деятельности называл формирование более усовершенствованной, чем на Западе, политической системы, «где политическая борьба была бы сведена до минимума» [248, с. 567].

По оценке самих русских националистов, им удалось, «развернувшись в короткое время в большую реальную силу», осуществить ряд важных задач: в 1908 г. образовать ВНС, в октябре 1909 г. произвести объединение думской фракции умеренно-правых П.Н.Балашева и «национальной группы» А.П.Урусова (что привело к консолидации под русскими национальными знаменами около 1/4 всех депутатов Государственной думы), почти сразу вслед за тем «с большим успехом» открыть Всероссийский национальный клуб (ВНК), а также образовать «кружок студентов-националистов в Петербурге», организовать провинциальные отделы ВНК в Москве, Варшаве, Одессе, Бресте, Воронеже, Риге, Каменец-Подольске, Владивостоке, иными словами, создать «главные органы национально-политического самосознания последнего времени», в результате чего «национальная идея стала пробиваться, и даже в петербургских космополитических и безразличных канцеляриях и среди столичных слоев общества с союзом стали считаться как с реальной силой». «Национализм уже оказал влияние на общественную мысль: когда-то одиозные слова: национальная честь, патриотизм нередко теперь даже в устах левых»; «Столкновение происходит теперь не между правительством и известной частью населения русского государства, а между русским государственным течением, русским национализмом, и основанным на национализмах же сепаратистским стремлением наших окраинных народностей» [322 — 1912, 12 фев.] (А.И.Савенко), [219, с. 154—156, 173—174, 182—193] (М.Я.Баянский, П.Н.Балашев), [324 — 1911, 7 фев.] (Ф.Н.[еелов-?]), [315 — 1912, № 3, с. 6] (А.Гришин), [228, с. 75] (Н.И.Герасимов).

Безотносительно к тому, до какой степени верно оценивали русские националисты степень стабилиза-

ции и «национализации» общественной и государственной жизни России в рассматриваемый период, важно отметить то, что, рассуждая на эту тему, они единодушно игнорировали вопрос о соотношении своей доли вклада в дело умиротворения и обновления России — с долей, принадлежащей иным политическим силам, прежде всего правительству.

Несмотря на упоминавшееся выше постоянное организационное брожение внутри партии русских националистов, которое, начиная с 1913 г. приобрело характер неуклонно нарастающей поляризации, в целом у лидеров ВНС сохранялось отношение к своему Союзу как к политической организации, наиболее перспективной и адекватной насущным потребностям российского государства и русского общества: «Повторяю: из всех думских партий только одна, именующая себя русской национальной (иначе "Всероссийский национальный союз") вполне отвечает идее народного представительства»; «Только одна национальная партия берет народ в настоящем и представляет нечто живое, без подлога и без обмана» [254, с. 617—619] (М.О.Меньшиков).

Радикальная переоценка значения ВНС и основных итогов его деятельности была произведена лидерами левого крыла партии лишь летом 1915 г. в связи с образованием в IV Государственной думе Прогрессивного блока, в состав которого вошла часть ФНУП во главе с В.А.Бобринским, В.В.Шульгиным, И.Ф.Половцовым, А.И.Савенко и др. [61]. С этого момента лидеры левых националистов объявляют ВНС (во главе которого продолжал оставаться глава правых националистов П.Н.Балашев) одной из разновидностей «темных сил», ведущих поход против Государственной Думы в лице ее оппозиционно настроенного большинства [304] (Ив.Трубежин [А.И.Савенко—?]).

Ретроспективно оценивая путь, пройденный партией русских националистов в 1912—1915 гг.; публицист киевской «Вечерней Газеты», перешедшей под контроль левых националистов «Ив.Трубежин» (под этим псевдонимом, судя по всему, скрывался

А.И.Савенко) писал: «У нас национальный союз очень быстро покати́лся по наклонной плоскости реакции и, проявив в этом отношении выдающуюся резвость, очень скоро перегнал многих представителей ортодоксальной крайней правой». «Как же вышло, что националисты, которые в III-й думе состояли в постоянном блоке с октябристами и вместе с ними составляли базу для думской жизни и деятельности,.. вдруг ныне дошли "до жизни такой"?...», — задавался вопросом Ив.Трубежин и указывал на две причины партийной деградации ВНС. *Во-первых*, на преждевременную смерть П.А.Столыпина: «Столыпин был истинным руководителем партии националистов. А известно, что покойный премьер-министр был далек от реакционного настроения: это был либерал-постепеновец... Столыпин, твердой рукой руководя партией националистов, не давал ей возможности соскользнуть в овраг реакции. Но не стало Столыпина, и партия осталась при... Балашеве. Отсюда начались несчастья партии». *Во-вторых*, на то, что в ВНС «перекошевали» многие члены Союза русского народа, «особенно на местах», «skonфуженные вечными скандалами»; «Кончилось это тем, что союзники, как более темпераментные, овладели большинством отделов национального союза... Последний съезд представителей союза (февраль 1914 г. — Д.К.)... по настроению своему был совершенно дубровинско-союзническим» [304]. Ту же характеристику Ив.Трубежин давал в начале августа 1915 г. ФНУП, в тот момент еще сохранявшей формальное единство: «Фракция (русских националистов. — Д.К.) представляет собой сборище самых разнородных элементов» — здесь и «богачи-аристократы, которые умильно и восторженно посматривают на Маркова 2-го и действуют по указке его, и 18 крестьян, которые, разумеется, смотрят совсем в другую сторону, не имея решительно ничего общего с националистами. С другой стороны, во фракции националистов одновременно сидят самые чистокровные крайние правые и люди умеренных и даже либеральных воззрений»; «Все, что есть живого и честного в этой фракции, некогда соз-

данной Столыпиным, который своим личным влиянием и обаянием свалил в одну кучу довольно разнородные элементы, стремится ныне отмежеваться от защитников старых бюрократических порядков»; «В общем, фракция националистов ныне — это недоразумение»; «Фракция националистов расплывается по швам» [305].

Характерно, что сходный взгляд на положение дел в партии был присущ и представителям противоположного крыла ВНС: «Неудивительно, — писал вскоре после ухода из ФНУП левых националистов некий киевский член ВНС члену фракции П.Н.Балашева М.В.Митроцкому, — что нас, именующих себя русскими националистами, везде обгегоривают и бьют. Много в нашей среде разных проходимцев, плутов, хулиганов и глупейших мечтателей, причем мечтатели почти всегда идут за проходимцами и плутами»; «Эти люди тянут в разные стороны и в политике. Одни устремляются к Дубровину, другие протягивают руку Гучкову» [462, л. 739].

13 августа 1915 г. в Совет ФНУП было подано два коллективных заявления о выходе, под которыми в общей сложности подписалось 22 человека. Признавая наличие исходной идеологической общности с руководством фракции, подписавшие предъявляли ему обвинение в тактической и идеологической косности, в неспособности реформировать политическую платформу фракции в соответствии с задачами, стоящими в данный момент перед страной.

Мотивируя свой уход из «русской национальной партии», подписавшие первое заявление В.В.Шульгин, В.А.Бобринский, А.И.Савенко и др., в частности, отмечали: «Уже давно, почти с начала работ четвертой Государственной Думы, мы стали замечать, что в состав русской национальной фракции вошли люди, хотя и исповедующие приблизительно те же политические убеждения, но разнящиеся друг от друга в понимании ближайших задач времени. Нам приходилось иногда убеждаться, что наши товарищи, очень стойкие в отстаивании того, что и нам и им одинаково до-

рого, не проявляют достаточно энергии и инициативы в деле удовлетворения новых требований, постоянно выдвигаемых жизнью»; «Разразившаяся над Россией война, к нашему великому сожалению, подчеркнула эту разницу в наших взглядах... Насколько мы могли понять, мысли и чувства их главным образом притягивало опасение за неприкосновенность современного уклада русской жизни во всем его объеме, причем это опасение затемняло перед ними более грозную опасность, высшую опасность в наших глазах, опасность поражения России». Далее следовала уже высказанная с думской кафедры В.А.Бобринским мысль о необходимости «для этой великой цели, для победы России, вместе с жизнью наших сыновей и братьев» принести в жертву «и часть наших требований», поскольку «некоторые из этих политических требований не являются чем-то неизменным и вечным, но в значительной степени зависят от обстоятельств». Прежде всего имелся в виду вопрос об отношении к кадетам: «В особенностях нас огорчило отношение некоторых наших товарищей к другим политическим группам. Это отношение и заставляет нас ближайшим образом покинуть фракцию»; «Мы думаем, что ценою потоков крови, совместно пролитой для защиты отечества, потоплено горькое и ядовитое сомнение, выросшее во время японской войны, сомнение в патриотизме людей, исповедующих либеральные политические убеждения. В настоящее время в деле обороны страны мы не делаем никакой разницы между ними и собой и полагаем, что только в одном большом союзе всех "непораженческих" течений лежит путь к победе». Помимо нежелания сотрудничать с радикальными либералами, в вину правым софракционерам ставилось также их стремление наладить контакт с крайне правыми: «В то время, как мы видим спасение России во внутреннем мире и единении возможно большего числа русских граждан, совет фракции, в согласии с некоторыми нашими товарищами, сделал шаг, который был истолкован как желание идти рука об руку только с известными политическими группами, имен-

но с группами, правее нас стоящими. Мы считаем этот шаг вредным и опасным». К машинописному тексту заявления от руки было приписано: «Однако мы не теряем надежды, что наши товарищи, с которыми мы сейчас расстаемся, уже в ближайшем будущем признают правильность наших взглядов, изложенных в настоящем заявлении». Сам характер данной приписки, сделанной явно в последний момент, свидетельствовал о том, что особых надежд на воссоединение с бывшими софракционерами, (которые формально продолжали оставаться товарищами по ВНС), раскольники не возлагали, рассчитывая в лучшем случае переманить к себе в будущем некоторое количество колеблющихся членов фракции П.Н.Балашева. От себя лично В.А.Бобринский добавил: «Я считал, что необходимо было собрать фракцию для уврачевания недуга, но так как она не собрана, то не нахожу возможным остаться во фракции» [364, л. 79—80], напомнив тем самым о своей приверженности земским традициям, характеризовавшимся стремлением к консенсусу и предубеждением против любого рода «расколов».

Второе из упомянутых заявлений, под которым поставили подписи в основном священники и крестьяне, так же как предыдущее, ставило в вину П.Н.Балашеву сближение с крайне правыми, однако, в отличие от первого заявления, упрекало его в этой связи не в идейной косности, а напротив в недостаточной приверженности основным положениям «числотой программы национального союза» [434, л. 141].

В действительности, однако, и первое, и второе заявление, хотя и не вело об этом речь напрямую, инкриминировало руководству ФНУП нежелание поступиться одной из священных «партийных коров»: своей принципиальной лояльностью по отношению к правительству и своей принципиальной непримиримостью по еврейскому вопросу. Характерно, однако, то что, организационно отмежевываясь от правых софракционеров, «прогрессивные националисты» тщательным образом оговаривали свою общеидеологиче-

скую родственность. Последнее обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу правомочности рассмотрения эволюции ВНС как единого идеологического феномена на протяжении 1915—1917 гг., когда организационно он фактически перестал существовать.

Оценивая партийные перспективы ВНС в период, последовавший за расколом ФНУП, русские националисты приходили к выводу о невозможности возродить свою организацию в прежнем виде.

В будущем, отмечал летом 1915 г. Ив.Трубежин, «намечаются большие и реальные перегруппировки», ведущие к созданию большого думского центра, в который войдут все, кроме крайне правых, и который сгруппируется вокруг «имперской идеи» «великодержавной России». Фактически Ив.Трубежин принимал на вооружение «крамольную», с прежней точки зрения официального руководства ВНС, идею консолидации под имперско-патриотическим знаменем либералов всех оттенков, которую на протяжении предшествующего периода высказывал ряд партийных идеологов: М.О.Меньшиков, П.Н.Крупенский, М.Я.Балаянский, А.Л.Гарязин, Н.П.Пештич и др. (некоторым из них в итоге пришлось покинуть ряды ВНС). Идея «большого думского центра», с точки зрения газетного публициста, ставила крест на существовании ВНС, выполнившего, по мысли Ив.Трубежина, свою историческую миссию: «Русский национализм уже сослужил свою службу. Как партийно-политическое течение он появился в годы великой разрухи, в годы упадка патриотизма и большого роста идей космополитизма. Но после того в жизни России произошли большие и глубокие изменения. Теперь все русские партии национальны и патриотичны» [305].

Свое будущее как политического деятеля А.И.Савенко отныне связывал с «общим делом» тех, кого до недавнего времени считал политическими врагами: «Очень хотелось бы, — сообщал он в письме к давнему товарищу по руководству ККРН А.А.Сидорову 21 февраля 1916, — завязать отношения

с Москвой: авось, в будущем и совсем бы переехал туда. Ведь судите сами, что теперь связывает меня с Киевом?.. Хотя я и полевел, а хочется жить в России и среди Русских. А пока я был бы безмерно признателен вам, если бы сосватали меня с "Утром России" (какое дивное название) и дали мне возможность уцепиться за Москву» [460, л. 511].

До какой степени кризисным и внутренне противоречивым было в тот момент представление русских националистов о своем политическом будущем, весьма ярко свидетельствует тот факт, что той же зимой тот же А.А.Сидоров, к которому А.И.Савенко решил обратиться с весьма неожиданной для одного из «столпов русского национализма» просьбой «сосватать» его с прогрессистами, — отправил письмо к председателю IV Государственной думы М.В.Родзянко с не менее экстравагантным предложением: выйти из состава Прогрессивного блока, чтобы в будущем... возглавить партию русских националистов! «Что вам даст, — писал киевско-московский русский националист екатеринославско-петроградскому земцу-октябристу 26 ноября 1915 г., — борьба с блоком и переход на сторону правых? Ваш переход, вместе с другими лицами, которые вам верят, сразу разрушает блок», а после войны в благодарность Царь сделает вас премьером. Тем временем войска вернутся по домам, и начнутся бесконечные рассказы о немецкой жестокости и еврейской измене. В этих условиях партии, «хоть косвенно связанные с этими народностями, теряют всякий кредит»; «Кадеты связаны с Евреями, октябристы с Немцами». «Остаются крайние левые, но мы их откидываем, они без всяких шансов, и националисты — вот грядущая... сила. Победоносная война, конечно, поднимет национальный дух народа... и это есть та сила, на которую вы должны опереться и с которой сблизиться, если вы хотите идти дальше в гору». «Дальнейшие шаги должны идти в направлении: борьба с блоком прогрессивным, борьба с немецким засильем, борьба с дороговизной, уничтожение синдикатов, устройство русских банков и т.д. Эти вопросы, разработанные в духе националистов, сблизят вас с ними окончательно. И между прочим, они

несколько не противоречат программе октябристов» [452, л. 2077об.].

Таким образом, и правые и левые лидеры ВНС к исходу 1915 г. не только признали организационный крах ВНС, но также начали интенсивный поиск контрагентов по созданию в будущем принципиально нового «национал-прогрессивного» политического объединения. Как представляется, столь радикальная эволюция отношения русских националистов к собственной партии, а равным образом к проблеме ее идейно-тактического самоопределения и грядущих организационных перспектив, объяснялась, во-первых, исходной национал-либеральной противоречивостью идейных установок ВНС, а во-вторых, экстремальным стечением внутривнутриполитических обстоятельств в период Первой мировой войны и их стремительно нараставшей неблагоприятностью для всей системы «думской монархии».

* * *

Итоговый анализ отношения русских националистов к *своей политической организации* позволяет отметить существенную эволюцию данного раздела доктрины ВНС. Рассматривая ВНС на начальных этапах его существования как организацию с широкими общественными функциями (политическими, экономическими, культурными и др.) и сравнительно «размытым» организационно-политическим лицом, русские националисты в дальнейшем все более и более концентрировали свое внимание на партийно-политической работе в узком смысле этого слова. Оценивая на заре партийного строительства организационно-идейные перспективы ВНС как исключительно блестящие, к концу рассматриваемого периода как левые, так и правые лидеры партии русских националистов пришли к выводу о ее фактическом саморазрушении и о необходимости в этой связи поиска новых форм организационной работы.